

УДК 168.3 (321.01)

**СКАЗ О ЛОГИКЕ А. КУРБСКОГО ГЛАГОЛЕМЫЙ
СОВРЕМЕННЫМ ЮРИСТАМ**

Tale of logic by A. Kurbskiy for modern jurists

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ МАРКОВ

Sergei Mikhailovich Markov

К. филос. н., доцент кафедры философии и психологии

Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

690014 Владивосток, ул. Гоголя, 41, Приморский край, Россия

E-mail: Ser_Mark@mail.ru Тел. 8 – 924 – 520 – 90 – 11

Возлюбленный и чтимый русский народ.

Если труды мои окажутся достойными

всякой милости, примите их с любовью....

Иван Фёдоров. «Апостол» (1564 г.)

Сказ о логике А.М. Курбского – это добавление к переводу сочинения Спаненберга «О силлогизме». Сказ о логике – первая печатная книга по логике, изданная на русском языке в Вильно в 1586 г. Логика и диалектика для Курбского представляют собой: 1) органон познания, 2) средство для тренировки разума, 3) методы обоснования своих политико-правовых учений, 4) аналитика власти (самодержавия). Он её понимает по-аристотелевски: как учение о демонстративных доказательствах. Применяет в качестве метода изложения политико-правовых воззрений на власть и государство в письмах к Ивану IV Грозному и в труде «История о великом князе Московском». В этом контексте творчество А.М. Курбского рассматривается впервые.

Ключевые слова: метод, логика, диалектика, риторика, аргументация, доказательство, силлогизм, софизм, политико-правовые учения, государство, право, закон, власть, самодержавие, Избранная рада, Иван IV Грозный, А.М. Курбский.

Tale of logic by A. Kurbskiy is an addition to work of Spangenberg «syllogism». Tale of logic is the first printing book of logic, published in russian in Vilnius in 1586. Logic and dialectic for Kurbskiy is represented by: 1) Organon of perception; 2) Tool for mind training; 3) Methods of bases of his political and legal doctrines; 4) Analytics of rule (autocracy). He understands it as Aristotle – as a doctrine of demonstrative argument. Use as an exposition method of political and legal views in his letters to Ivan the Terrible and in his work «Story of grand prince of Moscow». Works of A.M. Kurbskiy is rated this way for the first time.]

Keywords: Method, logic, dialectics, rhetoric, argumentation, syllogism, sophism, politics and legal doctrines, State, justice, law, rule, autocracy, Yzbrannaya Rada, Ivan the Terrible, A.M. Kurbskiy.

«Сказ Андрея чего ради сии написаны» – это добавление к переводу Иоганна Спаненберга «Erotemata trivii» (в трактовке Курбского «О силлогизме»). Впервые рукопись И. Спаненберга была опубликована К.В. Харламповичем в 1900 году в журнале «Киевская старина», но и после столетнего пребывания в научной среде остаётся малоизвестной научной общественности. В первую очередь потому, что историков и филологов она не интересует, а логики и юристы, работая врозь, не уделяют должного внимания этому важному культурологическому событию, оказавшему влияние на политико-правовую полемику второй половины XVI в. Сам факт обращения к силлогистике для обоснования политических взглядов уже имеет значимость для политиков и юристов. А то, что «Сказ о логике» А. Курбского – первая печатная книга по логике, изданная в Вильно в 1586 году в

типографии купцов Мамоничей, вообще требует отдельного осмысления. Зачем понадобилась логика опальному князю? Этот вопрос рано или поздно должен быть решён. Есть мнения и гипотезы, но решений его пока нет. Основная трудность – недостаточность исторического материала и разночтения среди учёных по первоисточникам.

А.М. Курбский (1528 – 1583) – сначала ближайший сподвижник (правая рука) царя Ивана IV и советник (входил в состав «Избранной рады»), а затем опальный князь (1564 г.), сбежавший под опеку короля Польши в Литву, историческая фигура для XVI века харизматическая. Аристократ, причислявший себя к интеллектуальной оппозиции, умелый воевода, политик, представлявший интересы вольнодумного боярства, организовавший в своём имении в Литве что-то вроде коллигеума для сподвижников (правда, иезуитское слово «коллигеум» не терпел). Он знал в совершенстве несколько европейских языков, включая греческий и латынь. Максима Грека считал своим духовным наставником.

Логику и диалектику, вслед за И. Дамаскиным, А. Курбский рассматривал как органон познания и средство для тренировки разума (ссылаясь на Максима Грека) и как метод обоснования своих политико-правовых поучений (по Аристотелю). Логику Курбский воспринимает по-аристотелевски. И не правы историки, считающие, что Аристотель был неизвестен древним русичам или малоизвестен. Это относится как к натурфилософским и политическим трудам античного классика, так и к его методу. Известно, например, что благодаря кружку жидовствующих (интеллектуально-гуманистическая оппозиция власти XVI века) арабская версия Аристотеля («Аристотелевы врата») была весьма популярна в боярской среде. В этой книге, изданной в еврейской типографии Дамаска, согласно легенде, предназначенной для самого Александра Македонского, содержатся поучения и советы философа античности императору Александру. Несмотря на запрещение «Аристотелев врат» Стоглавым Собором 1551 года эта книга всё равно тайно хранилась в частных библиотеках бояр.

К этому времени в Европе Аристотель становится главным философом, его труды включают во все энциклопедии, богословские трактаты, популярные книги. И об этом в Древней Руси не могли не знать, по крайней мере, книжники, дипломаты, политические деятели, государи, советники Избранной рады, летописцы и т.п. Отрывки и фрагменты Аристотеля появляются в популярных книгах: «Пчеле», «Домострое», «Шестодневях». Другое дело, что русичи и болгары отдавали предпочтение Платону и Сократу, которые более соответствовали восточно-христианской догматике и духовному образованию в духе наставничества. Этому поспособствовал и Максим Грек, относивший Аристотеля к еретикам, в том числе его философский метод. Но из этого совсем не следует вывод о том, что Аристотель был совсем или почти неизвестен. Наоборот, московским дворянам, как бы на выбор, предлагались или Платон, или Аристотель. Обычно в Москве выбирали Платона, на западе – Аристотеля. Платон служил для духовного творчества, Аристотель – для политико-философских откровений.

Системный анализ правовых взглядов А. Курбского показывает, что он был сторонником естественно-правовых учений в средневековом понимании правды и справедливости, а также ратовал за сословно-представительскую верховную власть, ограничивающую волю царя советами близких сподвижников Избранной рады. Идеал Курбского – православное христианское самодержавие, ограниченное Избранной радой. Идеология сословной княжеской власти, по его мнению, должна соответствовать Священному писанию. Для народных масс её надо представлять через «Толковый псалтырь» Максима Грека, а для аристократов – через логику и диалектику Иоанна Дамаскина, великого учёного VII – VIII веков Арабского Халифата. С этой целью он переводит «Диалектику» (точнее «Философские главы») Дамаскина, включая в него и свой «Сказ о логике» после главы «О силлогизме» Спаненберга. Кроме того, добавил к своему сочинению «Сказание о древе Порфирия». Написал предисловие. В результате получилось что-то вроде учебного пособия по диалектике и логике. При этом надо учесть, что занимаясь переводом Дамаскина, Курбский держал в руках «Источник знаний» по богословию, этике, политике, истории, а

диалектику («аже и логику») рассматривал как метод теоретического и практического познания (по Дамаскину и Максиму Греку).

Перевод «Диалектики» (1575 – 1577 гг.) А. Курбский снабдил своими комментариями, исправлениями и дополнениями (так было принято в то время). Комментарии – это перевод И. Спаненберга «О силлогизме». Добавления: «Сказание о древе Порфирия» и «Сказ о логике». Свои переводы князь оформил в риторической форме, ориентируясь на обычного читателя. Для более продвинутых соратников он просил достать ему что-нибудь более солидное.

В перевод А. Курбский ввёл своё определение силлогизма, показал отличие между силлогизмом и софизмом, дал краткую характеристику энтимемы («энтимемы»), которую назвал «охромленным силлогизмом». Проиллюстрировал примерами все три фигуры силлогизма и их модусы, убрал некоторые примеры, отредактировал непонятные термины, снабдив их дефинициями. Различил умозаключения на демонстративные и вероятностные: «овые правду оброряют словесною силою и истине помогают, а овые сопотив правды глаголют». Следует отметить, что Курбский прекрасно разбирается в логическом строении софизма, называя их «сатанинскими силлогизмами» (интеллектуальным мошенничеством). В связи с задуманным планом, изменил композицию учебника, подстроив его под читателей, малознакомых с логикой. В таком виде и была представлена для публики первая печатная книга по логике.

Увлечение логикой не умаляет значения риторики, в том числе и для А.М. Курбского. В третьем письме к Ивану Грозному он вкладывает собственный перевод двух глав Цицерона «Paradoxa ad M. Brutum» («Парадоксы Брута»): «Против Антония» и «Против Клавдия». И всё-таки для Курбского характерен книжный (академический) стиль, состоящий из исторического и аналитического учения о государстве и праве. Не случайно В.О. Ключевский в своём курсе отечественной истории XVI века ссылается на послания Курбского как на авторитетный источник. Критикуя стиль Ивана IV Грозного, князь Курбский во втором письме именуется послание царя «широковещательным и многошумящим», «ядовитыми словесы отрыгано», «ото многих священных словес хватано». В жаркой полемике А. Курбский называет письма Грозного «бабьями баснями».

Но только на первый взгляд, и то весьма поверхностный, письма Ивана IV кажутся алогизмами и грамматическими нелепостями (современники царя Всея Руси тоже считали книжным человеком). Отнюдь не случайно в Европе в то время, включая Римского папу и его окружение, пытались найти «библиотеку Ивана Грозного». Её поиски начали ещё во второй половине XVI века П. Джовио и Ватерманом, имеются ссылки на её библиографию С. Герберштейна (1551 г.) [3]. Поиски её, как в XVI веке, так в XX столетии не увенчались успехом. Библиотека Ивана Грозного, или Либерия, до сих пор остаётся русской легендой [1, 2]. Но в любом случае, русские цари и бояре до и после Ивана собирали и хранили избранные книги. Занимались переводами, правда, в основном богословской и юридической литературы.

Увлекался чтением умных книг и Иван IV. Московский царь ссылается на древнерусскую литературу, «Шестоглавы», библейские тексты, летописи, «Диоптру» инок Филиппа, византийскую и римскую правовую литературу. Правда, в отличие от Курбского делает это по-царски, без конкретных указаний на первоисточники. Что же касается метода изложения московского царя, то соответствует он сократовским диалогам Платона.

Послания князя А. Курбского царю Ивану IV, впервые опубликованные профессором Санкт-Петербургского университета Н.Г. Устряловым в 1833 году, впоследствии неоднократно переиздававшиеся [5, 6], строятся методом аристотелевской аналитики. Проанализировав все три письма, мы пришли к выводу, что свои послания А. Курбский подстраивает под аналитику Аристотеля, не умаляя значимости диалектического метода! Вся аргументация соответствует диалектической схеме: тезис – антитезис – новый тезис. Вот он диалектический метод, основанный на демонстративных доказательствах, принятый

Карамзиным, Ключевским, Платоновым и другими историками-исследователями русской старины.

Начинается первое послание с риторических вопросов типа: «Зачем царь... воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал... и притеснения измыслил, обвиняя невинных православных в изменах и чародействе, и в ином непотребстве...? В чём же провинились перед тобой и чем прогневали тебя христиане – соратники твои?» Затем А. Курбский плавно перешёл к своим проблемам: «Обо всём вместе скажу: всего лишён был и из земли Божьей тобою без вины изгнан. И воздал ты мне злом за добро моё и за любовь мою непримиримой ненавистью». Почему?

В качестве доказательств князь привёл отступничество Ивана IV Грозного от святой веры и беззаконие («кровопийство») против ближайших его соратников. Аргументировал свой политический памфлет ссылками на Священное писание, евангельские истории, процитировал русских святых и богословов, привёл исторические факты, на которые впоследствии ссылались Н. М. Карамзин и В. О. Ключевский, свои заслуги перед Отечеством и царём, своё благородное происхождение и т.п. В заключение, в третьем письме он воззвал: «Вспомни прошедшие дни и возвратись к ним. Зачем ты, безумный, всё ещё бесчинствуешь против Господа своего? Разве не настала пора образумиться и покаяться и возвратиться к Христу? Пока ещё не отторгнута душа от тела, ибо после смерти не опомнишься, а в аду не исповедуешься и не покаешься. Ты же был мудрым и, думаю, знаешь о трёх частях души и о том, как подчиняются смертные части бессмертной. Если же ты не ведаешь, то поучись у мудрейших и покори и подчини в себе звериную часть Божественному образу и подобию...» (схема: риторические вопросы → тезис → его дедуктивное обоснование).

Вслед за Н. М. Карамзиным принято считать, что главная фабула писем А. Курбского представлена концепцией «двух Иванов»: до и после введения опричнины. В целом, это правильно. Но с точки зрения логики, концепция А. Курбского выстраивается гораздо интересней, если анализировать все три письма как органически целое произведение, тем более что II и III письма, как известно, были отправлены царю одновременно, после окончания русско-литовской войны и переводов «Диалектики».

Анализ всех трёх писем позволяет сделать вывод, что свои послания А. Курбский подстраивал под аналитику Аристотеля, не умаляя значимости диалектического метода! Исходный тезис: личная обида на московского царя, умаление его заслуг и устранение из рядов ближайших советников, исключение из Избранной рады. А далее начинается полемика-спор, по нашему мнению, рассчитанный на публику и потомков. И только затем, в контексте публичного спора, выдвигаются новые тезис и аргументы. Центральным становится утверждение: «Иван IV Грозный предал Священное писание и евангельские заповеди». Но заканчивается аргументация весьма прозаично: «Вспомни же дни своей молодости, когда блаженно царствовал!». Вся аргументация соответствует диалектической схеме: тезис – антитезис – новый тезис. Вот он, диалектический метод, основанный на демонстративных доказательствах.

Следует отметить, что логический анализ творчества Курбского – малоизученная тема, даже, несмотря на авторитетные исследования в этой области русских дореволюционных, советских и американских учёных (А.С. Архангельский, Я.С. Лурье, Д.С. Лихачёв, Р.Г. Скрынников, Б.А. Рыбаков, А.А. Зимин, Э. Кинан, Р. Пайпс и др.). Логический анализ сочинений Курбского никто не проводил. В своей работе мы лишь частично восполнили этот пробел, акцентировав внимание на поиск князем новых методов изложения своей политической доктрины. В качестве главного метода он выбирает логику.

По мнению А. Курбского, логика – орудие познания и изложения правды (истины). Логика – аналитика мышления и изложения теории. Логику также надо использовать в борьбе с неправильными умозаключениями («сатанинскими силлогизмами»). Заниматься ею должны политики, праведы, богословы: «Оучите же и навывайте ее (логику – прим. С.М.) неленосне, и аще ее добре навывкнете, оудобнее вам будет читати и разумети

писания философские, яко наших великих учителей христианских, так и внешних философов» [7]. Так начиналась логика в России. После А. Курбского появились новые знатоки логики, заслужившие отдельного внимания и почитания, хотя бы потому, что это были, в первую очередь, учителя богословия. Русская логика как светская теория в контексте предложенной парадигмы появилась в университетском образовании лишь в первой половине XIX века, а уже в середине того же столетия вышла на передовые рубежи европейской науки. Снова движущим фактором её развития выступили преобразования в политической и правовой сферах, не последнюю роль сыграла судебная реформа Александра II. Все эти изменения по совокупности позволили логике занять своё место в методологии и методике преподавания университетских дисциплин.

Высокий статус логики не смогли поколебать даже советские реформы 1930-х гг. Её сохранили для гуманитариев университетского уровня, правда, волюнтаристским способом удалив из средней школы (просто вычеркнули из перечня дисциплин). При этом, несмотря на все исторические метаморфозы русского вузовского образования, от его возникновения и до наших дней, для юристов логика всегда оставалась обязательной дисциплиной. Так было завещано Екатериной II. Ведь, по выражению Гёте, на курсах логики ум «приучат к дисциплине, чтоб взял он направленья ось, не разбредаясь вкривь и вкось» [8, с. 22]. Нравится юристам юридический догматизм!

Для юристов формальная логика, или юридическая, преподавалась всегда, даже в самые тяжёлые годы высшего профессионального образования. Благодаря их невольной поддержке русская логика ворвалась (в буквальном смысле) на мировую арену, к ней стали относиться достойно и с уважением учёные-логики всего мира. Но сегодня логику вырвали сначала из обязательных дисциплин, затем из дисциплин по выбору и, наконец, факультативов. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и мы вновь вернёмся к логической культуре первых Азбуковников, а возможно и далее в глубину истории – к толкованиям неразумных слов и терминам, так называемым «Голкам неразумных словес», царских указов, приказов Боярской думы и казусов судебной практики. Для юристов это означает отказ от юридического мышления. И вряд ли кто-нибудь вспомнит в среде юристов слова кота Бегемота из романа М. Булгакова: «Речи мои представляют не пачкотню, а вереницу прочно упакованных силлогизмов». Логика и риторика исчезнут из лексикона юристов-практиков и теоретиков.

К сожалению, в настоящее время логику исключили из третьего поколения госстандарта для правоведов, переместив её из блока федеральных (обязательных) дисциплин в вариативную часть, т.е. отдали её на откуп региональным вузам. Кто же мог подумать, что местные князья похоронят логику в анналах истории? История повторилась. Поскольку логика была отдана на откуп местным вузам (исключена из федеральных дисциплин для юридических вузов), её вообще вычёркивают росчерком пера из перечня вузовских дисциплин. Взамен предлагают геополитику, автодидактику, ОТСК, КСЭ и другие «тарабарские» науки. Так происходит реформирование правового образования на местах.

И в заключение – весьма кстати звучат слова Булата Окуджавы: «А всё-таки жаль: иногда над победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед».

Литература

1. Белокуров, С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии / С.А. Белокуров. – М. : Типография Г. Лиснера и А. Гешеля, 1898. – 868 с.
2. Библиотека Ивана Грозного : Реконструкция и библиографическое описание / сост. Н. Н. Зарубин; подгот. к печати, примеч. и доп. А. А. Амосова; под ред. С. О. Шмидта. – Л. : Наука (Ленингр. отд-е), 1982. – 159 с.
3. Герберштейн, С. Записки о Московитских делах. Павел Иовий Новокамский. Книга о Московитском посольстве / Введение, перевод и примеч. А.И. Малейна / С. Герберштейн. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1908. – 382 с.

4. *Гёте, В. Ф.* Фауст / пер. Б. Пастернака / Вводная статья и комментарий Н. Вильмонт. – М. : Изд-во Худ. лит-ра 1960. – 287 с.
5. *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским* / текст подгот. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков; отв. ред. Д. С. Лихачёв. – М. : Наука, 1993. – 321 с.
6. *Устрялов, Н. Г.* Сказания князя Курбского / Н.Г. Устрялов. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1868. – 494 с.
7. *Харлампович, К.* Новая библиографическая находка. Переводная статья кн. А. М. Курбского: «От другие диалектики Иона Спанинберга о силлогизме вытолковано» / К. Харлампович // Киевская старина. Киев, 1900. Т. LXX [отдельный оттиск].